

Жанна Володина

ТРИУМФ ПОРАЖЕНИЯ

УДК 82-3
ББК 84-4
В68

В68 **Володина Ж.**
Триумф поражения / Жанна Володина – М.: Литнет, 2026. – 728 с.

ISBN 978-5-521-99335-2

Мой старый дом. Наше агентство "Твой праздник". Всё под угрозой: и моя работа, и моя жизнь. На место милейшего, добрейшего, интеллигентнейшего старого хозяина пришёл ОН. Новый Хозяин. Его раздражаю я и мои нестандартные, оригинальные идеи. О! Какая ирония! Он не может меня уволить?! Но делает это с завидным постоянством и потрясающим упорством. Посмотрим, кто достоин ТРИУМФА! Какой мой прокол привёл к такой... одержимости?

- Он оставит этот... объект в покое и вернется в свой главный офис? - радость победы меня пьянит, как бокал хорошего шампанского. Надо срочно класть бутылку Просекко в холодильник. Какая ирония! Я собираюсь пить за победу над переименованным в Тостер Холодильником охлажденное в холодильнике игристое. Чудесная тавтология! Просто бодрящая и пьянящая!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99335-2

© Литнет, 2026
© Ж. Володина, 2026

Глава 1. Лифт

*У всякого нормального человека
временами возникает желание:
наплевать на руки,
поднять черный флаг
и начать резать глотки.*

Мыслить как преступник (Criminal minds)

– Ты идиотка? Или просто припадочная? – он переводит взгляд с меня на свою мерзко розовую рубашку с расплзающимся на ней кроваво-красным пятном от свежесжатого гранатового сока. Презрительный взгляд быстро меняется на бешеный, но он совершенно безэмоционально резюмирует. – Скорее, идиотка.

– Мы разве на «ты»? – огрызаюсь я, беспомощно оглядываясь в поисках безопасного угла.

Но такового в старом лифте, застрявшем на уровне между третьим и четвертым этажом, не оказывается. Несмотря на достаточно большую площадь, лифт вместимостью шесть человек всегда казался мне крохотной клетушкой, и я до сегодняшнего дня (то есть никогда!) в него не заходила. Лифтовая шахта с указателем этажей, похожим на старый барометр, всегда внушала мне полное недоверие. Но желание оставить последнее слово за собой сорвало пожизненные предохранители – и я залетела в лифт прямо за тошнотворно розовым Хозяином.

И мне скоро станет плохо. И надо продержаться всего несколько минут. Римма Викторовна уже сообщила, что проблема с застрявшим лифтом будет вот-вот решена.

Почему у меня не арахнофобия? Прости, Василий, я от страха погорячилась. Вот очень изящная боязнь – дентофобия. Так нет, не она!

Модная номофобия? Как это современно: бояться остаться без мобильной связи! Увы, и не она.

Вот прекрасный вариант – аблютофобия! Была бы я сейчас в заношенном, нестираном брючном костюме, который элегантно сидел бы на моем немытом, дурно пахнущем теле.

Или атихифобия, например? А что? Чудесный выбор! Боязнь совершить ошибку, маниакальное стремление к порядку, успеху, положительному результату. Только этот вариант больше подойдет не мне, Нине Симоновой-Райской, а господину Тостеру. Да! Сегодня он будет Тостером и лишится почетного звания господин Холодильник, которое получил от меня в самом начале нашего знакомства за высокий рост, широкие плечи и параноидальную любовь к белым, нет, белоснежным рубашкам.

Пока паническая атака не привела к ярко выраженным физиологическим симптомам и не выдала меня с головой, я начинаю грациозно и очень интеллигентно садиться на пол лифта.

– Тебе плохо или ты так артистично демонстрируешь мне свой страх? – недовольный (впрочем, как всегда!) моим поведением Тостер подхватывает меня подмышки. – Ни за что не поверю, что ты меня боишься! Или у тебя клаустрофобия и я первый раз ни при чем?

– Вовсе нет! – вяло сопротивляюсь я, схватившись за розовую ткань его модной сорочки, подаренной ему святой Светланой, и еле-еле выговариваю, гордясь и своей памятью, и четкостью речи. – У меня нет никаких фобий, кроме гексакосиогексеконтагексафобии.

– Вы скоро?! Девушке совсем плохо! – рычит в динамик Тостер, и испуганный голос нашего инженера Дениса Владиленовича сообщает, что буквально через пару минут нас спасут.

– Смотрите, вычту из вашего жалования стоимость каждой минуты сверх обещанной вами пары! – продолжает рычать Хозяин всего и всех в этом здании.

– Даздрасен Владиленович – механик от бога! – кидаюсь

я на защиту старого друга, болтаясь в руках Хозяина тряпичной куклой. – За столько лет этот лифт ни разу не ломался. Ни разу! Пока...

– Пока ты в него не влетела, – понимающе заканчивает за меня Тостер, неуклюже поворачиваясь со мной в руках, словно пытаюсь найти место для моего складирования, но так и не решившись посадить меня на посыпанный стеклянной крошкой пол лифта. – Ты говоришь второе непереводимое слово. Это признак панической атаки?

Ничего не придумав и, видимо, устав поддерживать меня под руки, Тостер берет меня на руки.

– Всё переводимо, – ворчу я, тут же потеряв связь с приступом, поскольку оказалась в объятиях личного врага, войной с которым живу и энергетически подпитываюсь уже полгода. – Дениса Владиленича на самом деле зовут Даздрасен Владиленич. Да здравствует седьмое ноября. Стыдно не знать!

– Стыдно?! – мышцы на руках Тостера сжимаются, словно он решил бросить меня на пол. – Почему я должен стыдиться того, о чем я не знаю, поскольку об этом мне никто не говорил?

– Потому что это ваши люди, без которых жизнь этого дома невозможна. Юрий Александрович всё обо всех знал. А Дарья Владиленича, сестра Дениса Владиленича, тоже не Дарья, – радуюсь я дополнительной возможности рассориться с Хозяином перед тем, как мы расстанемся, словно почти драки, разбитого кувшина с соком и испорченной (надеюсь, навсегда!) рубашки недостаточно.

– И кто же она? – спрашивает меня Тостер, встретившись наглым взглядом своих больших карих глаз с моим гордым (гарантирую!) взглядом.

– Она Даздраперма, – снисходительно сообщаю я, не собираюсь помогать ему в расшифровке.

– Тоже что-то там «да здравствует»? – находчиво говорит Хозяин.

– Да здравствует первое мая! – хвастаюсь я осведомленностью. – Это они для таких, как вы, вынуждены родные имена менять на удобные.

– Как я?! – Тостер подбрасывает меня на руках, словно я кусочек поджаренного хлеба. – Я-то здесь причем? Люди с труднопроизносимыми именами представляются Денисом и Дарьей, а я виноват? Ты дура?

Начинаю ужом вертеться в его руках, пытаюсь встать на пол. От боязни не осталось и следа! Да я про нее просто забыла! Тостер дает мне встать на ноги, но только для того, чтобы прижать к своей груди мою спину.

Мой костюм! Ленка убьет меня! Я его непоправимо испортила мокрой от гранатового сока рубашкой.

– Не рыпайся! – Хозяин прижимает меня еще сильнее. – Стекло кругом! Не хватало еще, чтобы ты и кровавые порезы на меня списала.

Затиhaю, придумывая достойный ответ, но ничего не приходит голову от нервного перенапряжения.

– Если сейчас эти да здравствует не запустят лифт! – снова рычит в динамик Тостер. – Всех уволю к чертовой матери! Всю эту... секту староверов!

– Какое невежество! – радостно фыркаю я, вдохновленная новой темой противостояния. – То староверы, а это люди с революционными именами! Будучи староверами, они были Каллистратами, Ермилами, Гермогенами, а не Да здравствует.

– А их дети? – вдруг спрашивает меня Хозяин, развернув лицом к себе и пачкая (гадина!) мой великолепный голубой брючный костюм и спереди.

– Что их дети? – бессильно рычу уже я.

– Как зовут их детей на самом деле? Это же Павел Денисович и Павла Борисовна? – говорит Тостер, поражая меня знанием того, что и дети моих старых друзей работают на него в этом доме.

– Вы знаете, что они их дети? – саркастически ухмыляюсь я.

– Я знаю о своих работниках всё! Почти... – Тостер начинает перегреваться. – Мне просто была неизвестна эта оригинальная страница их биографии.

– Павел Денисович – Пофистал Даздрасенович, а Павла Борисовна – Польза Борисовна, – ворчу я и вдруг ощущаю исходящую откуда-то мелкую дрожь. Неужели лифт тронулся, пока не тронулась я в этом замкнутом пространстве? Нет. Это смеется мой Тостер, то есть наш Хозяин.

– Что смешного вы услышали? – сквозь зубы спрашиваю я. – Сын нашего инженера, наш же кондитер, Пофистал – Победитель фашизма Иосиф Сталин. А Польза – Помни Ленинские Заветы. Что здесь смешного?

– Отчество Борисовна! – уже во всё горло хохочет невоспитанный Тостер. – Отчество подкачало!

– Ну, – против воли улыбаюсь я. – С каким именем Даздраперма Владиленовна нашла мужа, с таким отчеством дочь и ходит. Вы испачкали мой костюм!

– Неужели?! – издевается Тостер. – Я? Твой костюм?

– И неадекватно перешли на «ты», хотя ни просьбы на это не выражали, ни разрешения не получали! – снова начинаю вырываться я.

Меня снова берут на руки. Лифт приходит в движение. Мы сжигаем друг друга ненавидящими взглядами.

Лифт медленно останавливается на первом этаже, и все работники нашего агентства «Твой праздник» торжественно встречают нас. Римма Викторовна держит в руках аптечку. Денис Владиленович чемоданчик с инструментами. А Павел Денисович поднос с чашечкой дымящегося ароматного кофе. Все в ужасе смотрят на меня, сидящую на руках Хозяина, на его розовую рубашку, залитую соком, на засыпанный стеклянными осколками пол лифта.

– Черт знает что! – ругается наш нервный Хозяин. – Что с лифтом?

– Простите, Александр Юрьевич! – старый инженер качает головой. – Ничего не понимаю. Замер – и всё! Сам же и...

– Отмер?! – ехидно спрашивает наш злой и неуправляемый Хозяин, Климов Александр Юрьевич. – Сам?

Хозяин берет чашку кофе, несмотря на то, что тот горячий, выпивает его залпом, словно рюмку водки.

– Рубашку! – приказ для Риммы Викторовны.

– Встречу с Макаровым перенести на час, нет, на два! – распоряжение для Павлы Борисовны.

– Спасибо, ... Пофистал Даздрасенович, кофе прекрасный! – это открывшему от неожиданности рот Павлу Денисовичу.

– А вы, – нажимая на слово «вы», обращается ко мне Александр Юрьевич, – вы, Нина... Сергеевна Симонова-Райская...

Пока я пытаюсь скрыть удивление тем, что Тостер помнит мое отчество, он заканчивает свои распоряжения. – Вы – уволены! Поскольку я переименовываю это агентство в... «666»!

Вот интересно, он знал, что гексакосийгексеконтагексафобия – это боязнь числа 666, или просто догадался. А может, это его любимое число?!

И он уходит к лестнице вместе с семенящими за ним Риммой Викторовной и Павлой Борисовной.

Все облегченно вздыхают, а Павел Денисович подает и мне чашечку кофе, только с сахаром и мятным сиропом.

– Который раз? – мягко спрашивает Павел Денисович, с огорчением глядя на мой испорченный костюм.

– На этой неделе первый! – радостно сообщаю я, испытывая непреодолимое желание переодеться. – Даже интересно, как будет выкручиваться. Или опять Римме Викторовне поручит?

Разувшись и прилипая к напольной плитке липкими чулками, громко напевая арию Тореадора, я отправляюсь в свои личные комнаты.

– Как дела, Василий? – ласково спрашиваю я своего любимого паука-птицелова. Василий лениво шуршит конечностями и уползает на другой конец аквариума. Обиделся.

– Зря! – искренне сообщаю я ему, иду в душ и кричу нежно-му и деликатному пауку из ванной комнаты. – Про арахнофобию я подумала случайно.

Когда я сижу на своей расчудесной кухонке, пью чай и думаю,

уезжать ли сегодня домой к родителям, в дверь скребется Римма Викторовна.

– Александр Юрьевич велел тебе... – добрая женщина подозрительно кашляет. – Купить ему новую рубашку. Точно такую же. Дал час.

И Римма Викторовна осторожно кладет рубашку Тостера на барный стул.

– Я ему кто? Секретарша? Личный помощник? – вскакиваю я со стула. – Он же меня уволил! Или опять нет?!

– Ну, – Римма Викторовна осторожно пятится к двери, – он передумал тебя увольнять... Он уезжает...

– Он оставит этот... объект в покое и вернется в свой главный офис? – радость победы меня пьянит, как бокал хорошего шампанского.

Надо срочно класть бутылку Просекко в холодильник. Какая ирония! Я собираюсь пить за победу над переименованным в Тостер Холодильником охлажденное в холодильнике игристое. Чудесная тавтология! Просто бодрящая и пьянящая!

– Не думаю, – возвращает меня к реальности Римма Викторовна. – Он только сообщил, что через час ему нужна рубашка, а потом часа два его не будет. Кстати, настаивал, что точно такую же.

– Может, еще просо с пшеном перебрать? – плююсь я желчью разочарования. Что-то подсказывает мне, что с этой гламурно-розовой сорочкой будут проблемы.

– Нет, Нинка! Такую в России не купить. Это новая линейка Husbands. Франция. Один в один точно нет! – «утешает» меня по скайпу лучшая подруга Ленка, дизайнер авторского нижнего белья. – Даже мои связи не помогут. Что за цвет вообще! Она чья?

– Не поверишь! Тостера! – смеюсь я над Хозяином.

А что? Здоровый презрительный смех для разнообразия лучше горькой и уводящей в неадекват ненависти.

– Могу предложить розовую, итальянскую. Но... – Ленка подозрительно хрюкает.

– Что но? – не понимаю я.

– Она немножко коралловая, – объясняет Ленка.

– Пойдет! – соглашаюсь я. – Всё равно он не собирается надевать то, что я куплю. Ему надо унижить меня поручением.

– А как ты вообще ему рубашку задолжала? – любопытствует Ленка.

– По глупости! – с досадой говорю я. – Он не хотел меня слушать – и спрятался в лифт.

– Спрятался? Холодильник? От тебя? – недоверчиво переспрашивает Ленка, исчезнув с экрана и роясь в гардеробной.

– Представь себе! Он меня боится! – уверяю я подругу. – Ну, нашла?

– Нет еще! – кукуется Ленка. – Но всё перерою и найду! Клянусь!

– Отправляю Димку, – радуюсь я и набираю номер.

Димка появляется у меня через десять минут:

– Что, старая Хозяйка, надо? – язвит он.

– Метнуться к Ленке и забрать рубашку для Тостера, – даю я поручение.

– Да! Весь дом гудит! – смеется Димка. – Хочешь узнать самую криминальную версию?

Я отрицательно мотаю головой, но Димку это не останавливает:

– Павла считает, что вы подрались в лифте. Кстати, Нинок, а как ты в лифт попала? Он тебя затащил в него? Узнал, что у тебя клаустрофобия?

– Я сама залетела, – виновато признаюсь я. – Скорость не рассчитала. А он там розовый такой! Тьфу! А я с подносом и соком свежесжатым. Гранатовым. Он опять зарубил мою идею. А Тарасовы платят за мой литературный вечер больше, чем агентство заработало за две недели!

– А Тостер... Александр Юрьевич оказался человеком тонкой душевной организации! Он противник разводов! – хохочет мой личный помощник и курьер агентства.